

Вег. клуб - 1993 - 14 янв - с. 7

"Дягилевъ Центр" не нуждается в спонсорах. Спонсоры нуждаются в нас"

Недавно в общественный совет «ВК» вошел президент московского товарищества «Дягилевъ Центр» Юрий Любашевский. Наш корреспондент, беседуя с ним, попытался как можно больше узнать о Дягилеве, о товариществе и его президенте и донести эти сведения до читателей.

— Чем отличается «Дягилевъ Центр» от организаций, носящих имена известных деятелей культуры?

— Имя, стоящее в названии любой организации, означает следование идеалам этого человека — нравственным, эстетическим. Предполагает это и прославление имени. Но мы решили пойти дальше — посвятить свою работу воспроизведению деятельности Сергея Павловича Дягилева.

То время для меня и моих товарищей наиболее близко по эстетическим критериям, поскольку это время расцвета русской культуры. Тогда бурно развивалась и коммерция, и общественная жизнь, формировались начала демократии. Хорошее было время, хоть и очень непростое, со множеством чрезвычайно сложных проблем эволюционного перехода от феодальной монархии к буржуазной демократии. Конечно, не следует его идеализировать. Да мы и не собираемся этого делать, поскольку, являясь коммерсантами, довольно крепко стоим на земле. Но главная особенность того времени — оно было чрезвычайно перспективным для России.

— Почему вы выбрали именно Дягилева?

— Если бы мы были чистыми творцами: артистами, композиторами, художниками, то, может быть, выбрали бы другую фигуру. Но мы прежде всего частные лица и коммерсанты. И в этом плане фигура Дягилева для нас более привлекательна. Она ближе нам, чем, скажем, фигура Мамонтова, поскольку Мамонтов занимался культурным строительством, не оставляя при этом коммерцию. Для воплощения идей «Дягилевъ Центра» мы фактически вывели коммерческую деятельность за рамки «Дягилевъ Центра» и занялись только культурным строительством.

Лично для меня Дягилев был притягателен всегда. Я его очень любил и понимал его художественный подвиг и в прошлом моей жизни, когда был преподавателем социологии и социальной психологии. Но теперь я понял его абсолютную уникальность в мировой истории. Не только равного, но и сопоставимого с ним человека просто нет. Он, не будучи ни художником, ни композитором, ни музыкантом, сумел более тридцати лет держаться в художественном напряжении и Европе, и фактически весь мир. И его слава до сих пор продолжает расти. Можно ска-

зать, что она в конце концов достигла России. Конечно, наша интеллигенция о Дягилеве знала всегда, но, мне кажется, до конца не осознавала его величия. Искусствоведы говорили о нем как об организаторе «Мира Искусства». Специалисты по балету указывали на то, что без Дягилева не было бы «Русских сезонов». А для меня же, как бывшего социолога, важно показать, что Дягилев был классическим частным лицом, представителем гражданского общества, не принадлежащим к государственным структурам. И равной ему фигуры, с такой внутренней энергетикой и уверенностью в значимости своего дела, с таким умением сплотить и повести за собой, никогда не было и, к сожалению, нет сегодня.

Дягилев по своим делам, по настроениям, по неосуществленному желанию вернуться на Родину, безусловно, русский патриот. Он же стал фактически эмигрантом, не будучи политиком. Редчайший случай! Его заставили стать эмигрантом, заставил директор императорских театров Теляковский — его постоянный оппонент.

— Что вы понимаете под «повторением дела Дягилева»?

— После того как мы провели несколько десятков культурных акций, включая международный балетный конкурс, — эта проблема заставила нас серьезно задуматься. Что такое продолжение дела Дягилева сегодня? Что может стать содержанием наших новых «Дягилевских сезонов», о которых мы уже достаточно нагумели? Было высказано множество идей, подчас довольно смешных. Например, взять и воспроизвести заново деятельность Дягилева по годам с разницей в сто лет. Он начал в 90-х годах прошлого века, и нам тоже начинать в 90-х. Он организовал «Мир Искусства», и мы дождемся того же года и тоже «организуем». А в 2006 году поставим в Париже «Бориса Годунова»... Согласитесь, забавно. Идея смешная и вместе с тем достаточно убогая.

Сейчас мы ощущаем, что Дягилева можно повторить в два этапа. Вначале воспроизвести некоторые его постановки. Это, как школа для художника, — вначале освоить классический рисунок, а потом идти дальше. А затем — поскольку Дягилев всегда шел впереди своего времени — надо идти на самое новое, самое современное.

На первом этапе мы решили воспроизвести три дягилевских — фокинских балета: «Петрушку», «Шехерезаду» и «Жар-птицу» с максимальным повторением сценографии Бакста, Бенуа, Головина, с полным повторением фокинской хореографии. Для этого надо было найти хранителя этой хореографии.

Клубные встречи

По счастливой случайности мы познакомились с внучкой Михаила Фокина — Изабеллой Фокиной, живущей сейчас в Нью-Йорке. Мы нашли великолепного молодого художника Анатолия Нежного, который очень любовно и точно воспроизвел декорации. Нашелся человек, который все это зарядил своей энергией, — солист Большого и Мариинского театров — Андрис Лиела, ставший художественным руководителем проекта возвращения «Жар-птицы».

Эти балеты в свое время были потрясением для художественного мира. А теперь они некоторым кажутся архаичными. Но мы хотим показать, что, если их сделать такими, какими они были, — это снова будет потрясением.

— На какой сцене вы их ставите?

— Вначале мы делаем прогон в Театре оперетты. Затем — премьера в Мариинке. В конце января показываем снова в Москве. Место пока называть не хочу — не сглазить бы. Дело идет очень трудно, потому что времени мало.

— А денег? Ведь ваши проекты, очевидно, недешевы?

Юрий

ЛЮБАШЕВСКИЙ:

— Пока шли недорогие, полукупуемые проекты, что-то мы зарабатывали — за счет кино, книгоиздательства. Правда, при этом мы не зарабатывали и не зарабатываем личных денег. В «Дягилевъ Центре» зарплата невелика: у меня 20 тысяч, у остальных еще меньше. Однако это не значит, что мы не зарабатываем другими способами: каждый из нас имеет какой-то свой личный бизнес или работу консультанта. Но это за пределами центра.

Сейчас, когда наши проекты очень дороги, мы получаем деньги на их реализацию за счет продажи имиджа «Дягилевъ Центра». Конечно, он стоит дешевле, чем имидж Большого театра, которому более двухсот лет. Но и нам за 2 года за счет культурной деятельности и целенаправленной рекламы удалось создать некоторый имидж организации, которая умеет задумывать и осуществлять проекты в области искусства.

Сейчас уже есть несколько коммерческих организаций, которые охотно помогают «Дягилевъ Центру», понимая, что это повышает их собственный имидж. Им ясно, что эпизодическое присутствие на каких-то концертах рекламы фирмы-спонсора, скажем, «Иванов и братья» — дело малоперспективное. Непонятно, что это за концерты, насколько они значимы. Но когда какая-то фирма помогает такой организации, как «Дягилевъ Центр», это значит, что при удобном случае я об этом могу сказать. И это, как правило, дает хорошие результаты.

Я уже несколько раз с удивлением убеждался в этом. Учреждения, долго и безуспешно что-либо «пробивающие», после получения моего письма в их поддержку и передачи его в соответствующие инстанции решали все свои проблемы. Даже если эти письма читали люди, лично мне незнакомые. Мне уже, кажется, что как президент «Дягилевъ Центра» я имею особый статус, мне уже не всегда удобно отказывать. Могут сказать, что человек не хочет помогать культуре.

Таков механизм спонсорства. Ведь спонсоры — это не меценаты, а ищущие выгоду люди. Но разовая реклама на концертах дает иллюзорную выгоду. По-настоящему полезна лишь постоянная работа с серьезной и авторитетной организацией.

И когда я встречаюсь с представителями каких-то мощных государственных организаций, скажем, Российской государственной библиотекой — у них сейчас большие проблемы, — я говорю: «Господа, вам надо продавать свой имидж, свою марку». Самая большая прелесть в этой торговле заключается в том, что, продавая имидж, они не беднеют — он от них никуда не уходит.

— Но не может ли какая-то недобросовестная или непорядочная фирма при такой покупке снизить ваш имидж, скомпрометировать вас?

— Да, у нас была масса предложений с сотрудничеством. Но мы относимся к ним чрезвычайно настороженно. Рассматриваем все вплоть до эстетики. Если на их фирменной марке изображено, скажем, какое-то милое домашнее животное, то может получиться ненужная ирония: слева на нашей бланке Карсавина, а справа их кошка или собака. Мы не ищем спонсоров, они сами нас находят, и мы за случайных людей не цепляемся. Например, наши взаимоотношения с «Трансэкспобанком» сложились естественным образом: постепенно мы друг друга заинтересовали, убедились во взаимной порядочности и начали сотрудничать. Если наш первый крупный проект получится, дальше будет еще легче. Потому что нами уже интересуются зарубежные фирмы, о нас знают.

— Предполагая в будущем заняться современным балетом, вы будете опираться на мнение экспертного совета? Ведь современное искусство очень неочевидно и неоднозначно.

— Это сложный момент. У нас существует худсовет, но он не формализован. Просто есть несколько видных людей, которые к нам хорошо относятся: Ю. Нагибин, З. Церетели, О. Лепешинская, И. Козловский, Л. Кербель, Э. Власова, Е. Весник, Е. Симонов... Мы их, конечно, попросим собраться и поговорить на эти темы. Если в этом будет необходимость.

Но когда я начинал снимать свой первый кинофильм «Пустыня», который недавно получил первый приз в Колумбии, то посоветовался со всеми своими киношными друзьями — профессионалами. Все они заявили, что у меня поехала крыша. А когда узнали, с кем я собираюсь это делать, сказали, что я просто идиот. Но в конце концов я оказался прав, и все это признали.

В отношении балета — то же самое: по любому артисту и подходу существует почти столько точек зрения, сколько существует специалистов. И я решил, что буду принимать решения сам, предварительно мысленно посоветовавшись с Дягилевым. Мне показало, что он одобрил. До спиритического сеанса дело не дошло, хоть некоторые люди мне это и предлагали.

Я всегда готов выслушать специалистов. Но особенность частного подхода к искусству заключается в том, что я не обязан ни с кем советоваться и готов взять на себя ответственность.

— Значит, от спиритизма вы отказались?

— Я как бывший марксист всю жизнь относился к этому очень скептически. Правда, сейчас у меня появилась приятельница — Ирина Гончарова, довольно известный медиум. И когда она пару раз рассказала мне, где я был вечером — уверен, знать она этого не могла, — пришлось в это поверить. И тогда я рассказал о моих сомнениях относительно одобрения или неодобрения Дягилевым моей деятельности. Она сказала: «Юра, какие проблемы? Вызовем, и он скажет сам». Звучит как анекдот о допросе мумии фараона... Ну что же, пусть вызовет, почему бы и нет? Вреда от этого не будет. В конце концов, если он скажет: «Правильно», — согласимся. Если: «Нет», значит, в сеансе что-то не то. Сильные помехи Теляковского. Он ведь всегда мешал Дягилеву.

— Помимо балета, «Дягилевъ Центр» еще чем-нибудь занимается?

— Да, мы продолжаем снимать, проводим художественные и исторические выставки, участвуем или ведем крупные культурные проекты, занимаемся учебной деятельностью. Наша гордость — школа Суперреферент. В ней, на мой взгляд, осуществляется культурно-формирующий эксперимент. Берутся обычные девочки. Они проходят обычный курс секретаря-референта, проходят «дамские» дисциплины: макияж, массаж, личный стиль, шейпинг и пр. А еще, что необычно и уникально, они занимаются культурной практикой. Ходят в театры, галереи, музеи и обсуждают увиденное. Кроме того, они участвуют во всех наших культурных акциях. Это дает совершенно неожиданные результаты: у них изменяются не только представления об искусстве, но и речь, и выражение глаз, и походка, и голос. Такого эффекта ни одна другая школа не дает. Эти девочки несут культуру в бизнес.

Беседовал Владимир ТУЧКОВ.

На снимке: Юрий Любашевский (справа) и Андрис Лиела.